

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.072

В. А. Мазилев

Методология психологии: к разработке концепции психологического факта

(Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант 15–06–10716)

Статья посвящена важной в методологическом отношении проблеме. Особенная актуальность данной работы состоит в том, что многими авторами она вообще не осознается как методологическая проблема. В популярном психологическом словаре факт определяется как результат наблюдения или эксперимента, не допускающий неоднозначного толкования. Это противоречит широко известным ситуациям, когда факт оценивается и интерпретируется по-разному. Такой подход не позволяет конструктивно решить проблему. Анализируется подход к проблеме факта, который сложился в философии науки. Подробно описываются исследования А. Л. Никифорова, в которых предложено рассматривать факт как имеющий структуру. Это перспективный подход, но для психологии недостаточный. Утверждается, что для психологии необходим уровневый подход к трактовке факта. Уровневый подход может быть реализован, если проблема факта рассматривается в контексте методологической теории научного исследования. Намечается перспектива дальнейших исследований, направленная на поиски синтеза уровневого строения и структурного анализа.

Ключевые слова: методология, факт, психологическое исследование, когнитивная методология, философия науки, структура, уровень, предтеория.

PSYCHOLOGY

V. A. Mazilov

Psychology Methodology: to Development of the Concept of the Psychological Fact

The article is devoted to the important methodological relation issue. The special relevance of this work is that many authors do not recognize it as a methodological problem. In the popular psychological dictionary it is generally defined as the result of observation or experiment, which does not have ambiguous interpretation. This contradicts the widely known situations where the fact is evaluated and interpreted in different ways. This approach does not allow us to solve the problem. The approach to the problem that has developed in the philosophy of science is examined. The detailed research of A. L. Nikiforov, which offered to regard the fact as a structure. This is a promising approach, but is not enough for psychology. It is stated that a tiered approach is necessary for psychology to interpret this fact. A tiered approach can be implemented, if the problem of the fact is regarded in the context of the methodological theory of the scientific research. There is a prospect of the further research aimed at finding the synthesis of the tiered structure and structural analysis.

Keywords: methodology, a fact, psychological research, cognitive methodology, science philosophy, structure, level, a tier, a pre-theory.

Факт как методологическая проблема

Нам уже неоднократно приходилось писать о том, что в современной психологической науке существует явная недооценка роли методологии психологии. Это заключение может показаться ошибочным: налицо интерес к методологии психологии, методологические идеи интенсивно обсуждаются на научных конференциях, издается довольно значительное число книг и статей по методологическим вопросам и проблемам. По нашему мнению, в современной психологической литературе имеет место устойчивая недооценка

роли методологических аспектов психологического знания в целом. Попробуем показать это на примере проблемы психологического факта.

Термин «факт» активно используется в современной психологии, что является абсолютно естественным, поскольку психология позиционирует себя как эмпирическая дисциплина. Не подлежит сомнению, что отношение к фактам на разных этапах развития психологии существенно различалось.

Если воспользоваться известной периодизацией М. С. Роговина, то окажется, что факты

становятся значимыми только на этапе научной психологии: в донаучной психологии говорить о фактах можно лишь условно, в философской психологии фактам не уделялось сколько-нибудь существенного внимания.

Научная психология заявила о себе как эмпирическая дисциплина, наука «о фактах». Сыграл свою роль и позитивизм, в котором «факт» был одним из ключевых понятий. На авансцену научной психологии «факт» вышел в тех версиях психологии, которые использовали субъективный метод. Очень скоро обнаружилось, что для получения «настоящего» (то есть соответствующего ожиданиям исследователя) «факта» стихийного самонаблюдения недостаточно, необходимо выполнение особых процедур, позволяющих зафиксировать именно то, что необходимо. В школе В. Вундта, в Вюрцбургской школе, в Корнелле у Титченера использовались специальные процедуры, позволявшие вычленять те аспекты опыта, которые полагались значимыми в данной школе.

Отметим принципиальное отличие: в направлениях, исповедующих объективный подход, проблеме факта традиционно уделяли существенно меньшее внимание. Это обстоятельство важно для понимания того, почему в некоторых психологических направлениях проблема факта не привлекала пристального внимания исследователей. Для темы нашей статьи важно подчеркнуть, что в советской психологии проблема факта не была популярна, так как опосредствованный метод, являвшийся основным в психологическом исследовании, был объективным.

Если в психологии проблеме факта «не повезло», то на основных ролях она оказалась в философских направлениях, в первую очередь тех, которые продолжали традиции позитивизма. Через логический позитивизм проблема факта в качестве предмета исследования попала в философию науки, где успешно и продуктивно разрабатывалась многими исследователями. В отечественной философии проблема факта оказалась в значительной степени «вытесненной» из исследовательского пространства категориями «явления» и «сущности», соотношением эмпирического и теоретического уровней познания.

Итак, обратимся к психологии и попробуем выяснить, в чем именно состоит проблема факта. Обратимся к популярному «Большому психологическому словарю», который сообщает, что факт «в обыденном смысле синоним понятия “истина”, то есть знание, достоверность которого

несомненна, в более узком смысле – результат наблюдения (в том числе измерения) и эксперимента, не допускающий нескольких истолкований» [1, с. 586].

Вот здесь и появляются многочисленные вопросы. Является ли факт в психологии столь однозначным, что не допускает «нескольких истолкований»?

Как быть в тех случаях, когда один факт оценивается различными психологами весьма по-разному? Когда кто-то считает нечто очевидным фактом, но другой имеет по этому поводу совсем иное мнение?

Есть основания для того, чтобы начать обсуждение проблемы факта как методологической проблемы современной психологии. Попробуем это сделать.

Психология традиционно характеризуется многообразием подходов к изучению того или иного явления, обилием различающихся теорий, концепций, трактовок. Десятками исчисляются определения одного и того же понятия. Короче говоря, психологию трудно удивить проблемами. В известном смысле можно утверждать, что психология – одна из самых «проблемных» наук: нерешенных вопросов в ней гораздо больше, чем найденных ответов. Б. Ф. Ломов в книге «Методологические и теоретические проблемы психологии» отмечал: «Многообразие проблем, огромный фактический материал, накопленный в психологической науке, задачи, которые ставятся перед ней общественной практикой, настоятельно требуют дальнейшей разработки ее методологических основ» [3, с. 3].

Чтобы как-то справиться с этим многообразием проблем психологии, попробуем их упорядочить. Для этого попытаемся выделить классы психологических проблем. Разумеется, такое выделение неизбежно имеет условный характер. Представляется, что выделение классов проблем целесообразно осуществлять в соответствии с видами психологического знания. М. С. Роговин и Г. В. Залевский выделяют три вида психологического знания. Первый вид – знание о психических процессах и индивидуальных особенностях, которое есть «предметное знание». Второй вид – знание о самом процессе психологического исследования, о том, как получается, фиксируется и совершенствуется предметное знание о психике – «знание методологическое». Третий вид знания – «знание историческое», в котором отражается закономерная последовательность развития первых двух видов знания и которое помо-

гает нам понять общее состояние психологии на каждый конкретный период времени, при каждом хронологическом срезе [18, с. 8]. Такое расчленение представляется удобным. В предметном знании условно можно выделить два уровня: уровень феноменологии и уровень теории. Тогда психологические проблемы могут быть отнесены к одному из следующих классов: 1) феноменологические, 2) теоретические, 3) методологические, 4) историко-психологические.

Любая наука имеет дело с некоторой феноменологией, эмпирическими явлениями. В психологии это психические явления. Так, в психологии могут быть выделены явления памяти, мышления, восприятия и т. д. Хотя на первый взгляд может показаться, что этот феноменологический уровень относительно самостоятелен, это не так. Психика изначально целостна, поэтому выделение в ней тех или иных явлений определяется теоретическими и методологическими представлениями. Номенклатура психических явлений определяется с учетом теории, в действительности же это серьезная методологическая проблема. В психологии известны случаи, когда те или иные авторы утверждали, что внимания или воображения, к примеру, не существует. Это, конечно, не заставляло этих авторов доказывать, будто не существует сосредоточения на некоторых объектах или создания новых образов. Данные феномены существуют, наблюдаются и описываются, но объясняются совершенно по-иному. Психологи – авторы «революционных» концепций утверждали, что феномены имеют другую природу: сосредоточение – это не внимание, а особенности восприятия (Э. Рубин), создание новых образов – функция не воображения, а мышления (А. В. Брушлинский). Эти примеры свидетельствуют о том, что феноменологический и теоретический уровни неразрывно связаны.

Не случайно многие авторы предпочитают не дифференцировать эти два уровня и говорят о предметном знании. Осознавая всю условность и произвольность такого разделения, будем говорить о феноменологическом и теоретическом уровнях и, соответственно, о наличии феноменологических и теоретических проблем. Феноменологический уровень важен тем, что в нем реально определяются потенциальные пространства психической реальности. Поясним это. В экспериментах С. Грофа (с использованием ЛСД, а позднее и других техник) наблюдались феномены измененных состояний сознания, транс-

персональные феномены, феномены систем конденсированного опыта (СКО) и т. п. Эти феномены представляют бесспорную психическую реальность. Согласно взглядам некоторых психологов, эти феномены достойны изучения, могут быть разработаны теории, объясняющие эти феномены. Согласно мнению других, этих феноменов как бы не существует вовсе: они представляют собой артефакт или откровенное жульничество, поэтому об их специальном изучении вопрос даже не ставится. Таким образом, мы можем констатировать, что в представлении разных исследователей диапазоны пространств психической реальности не совпадают. Кто-то включает парапсихологические феномены в проблемное поле психологии, кто-то нет. Естественно, что то или иное решение определяется теоретическим осмыслением. Итак, феноменологические проблемы проявляются в определении пространств психической реальности, ее расчленении на отдельные явления.

Теоретический уровень связан с объяснением психических феноменов. На теоретическом уровне психическое становится психологическим. В психологии эти проблемы очевидны. Существуют различные теории, объясняющие один феномен. Например, избирательный характер мышления в ходе решения задачи может объясняться влиянием ассоциаций, апперцепции, детерминирующих тенденций, антиципаций и т. д. Известны десятки теорий восприятия, личности, эмоций и т. п. Не станем здесь на этом останавливаться, так как многообразие психологических теорий хорошо известно (причем не понаслышке) каждому психологу-первокурснику. Теоретические проблемы в психологии наиболее многочисленны. Неразрывно связанные феноменологический и теоретический уровни составляют предметное психологическое знание. Два первых уровня связаны с двумя классами проблем: феноменологическими и теоретическими.

Но эти два уровня (также неразрывно) связаны и с другим – методологическим. Связь эта такова, что методологический уровень является в значительной степени определяющим по отношению и к феноменологическому, и к теоретическому. Именно методология раскрывает, как будет пониматься и трактоваться предмет психологии (а следовательно, реально определяет диапазон пространств психической реальности), определяет возможности изучения того или иного явления, а также метод, каким будет исследо-

ваться психическое, наконец, утверждает приемлемые в науке в настоящий момент способы объяснения. Известно, что в психологии существуют разные трактовки предмета науки, разные взгляды на методы. Оказывается, что методологические проблемы – наиболее существенные, наиболее глубокие.

Наконец, четвертый класс проблем – проблемы историко-психологические, возникающие в историческом знании. Как уже отмечалось, историко-психологическое знание отражает закономерную последовательность развития знания и предметного, и методологического. М. С. Роговин и Г. В. Залевский отмечали, что в «знании историческом проявляется куда более широкий принцип научного познания реальности: подход к ней как развивающейся во времени; при историческом подходе в последовательности его типов косвенно отражается углубление предметного и методологического знания...» [18, с. 10]. Эти проблемы также многочисленны. Обратим внимание на то, что многие из них носят неявный характер.

Между выделенными классами проблем в психологии существуют особые отношения. Методология является «сердцевинной» психологического знания вообще, поскольку в конечном счете именно она определяет существенные характеристики «предметного» знания (и феноменологию, и теорию) и «истории» (как она будет интерпретироваться).

До сих пор мы обходились без упоминания термина «факт». Где его место на рассмотренной выше схеме? Как можно видеть, психологический факт появляется тогда, когда происходит взаимодействие феноменологии и теории: феномен, осмысленный как психическое явление, становится психологическим фактом.

Обратимся к примеру. Давно было известно каждому специалисту, занимавшемуся дрессировкой животных, что они – животные – становятся со временем способными реагировать и на такие раздражители, которые лишь ассоциативно связаны с определенной реакцией организма. По сути, это условный рефлекс. Как нам известно из истории психологии, феномен условного рефлекса открывался неоднократно. Потребовался гений И. П. Павлова (обратившего внимание на то, что слюна начинает выделяться до кормления при виде служащего, который обычно приносит еду), Е. Б. Твитмайера (обратившего внимание на то, что подопытные при исследовании коленного рефлекса начинают реагировать на раздражители,

отличающиеся от исходного, – удара молоточком), В. М. Бехтерева («Бехтерев обнаружил, что рефлекторные движения – например, отдергивание пальца от предметов, грозящих ударом электрического тока, – могут возникать не только под воздействием безусловных раздражителей (например, удара электрического тока), но и под воздействием стимулов, которые сочетаются с исходным, – так, звук зуммера, звучащего во время удара электрического тока, вскоре заставляет испытуемого отдергивать палец» [20, с. 268], чтобы феномен воплотился в научный факт – условный рефлекс (Павлов), особый рефлекс (Твитмайер), сочетательный рефлекс (Бехтерев)...

Актуальность данной проблемы состоит в следующем. Психология относится к дисциплинам, имеющим эмпирическую фактологическую основу. По справедливому выражению классика науки, факты – воздух ученого (И. П. Павлов). Практически общепринятая в настоящее время в психологии точка зрения, согласно которой факт есть нечто простое, не допускающее «нескольких истолкований», является существенным препятствием для развития психологической науки и практики. Главное препятствие состоит в том, что факт при таком подходе не выступает (и не может выступать) в качестве начала, объединяющего исследователей. На уровне эмпирическом затрудняет формирование фактологической основы науки, лишая возможности дополнительного анализа научного психологического факта как сложного явления, имеющего свою психологическую структуру, тем самым делая невозможным разработку стандарта для описания факта в психологии. На уровне теоретическом недооценка данной проблематики приводит к тому, что не может быть адекватно представлено соотношение эмпирического и теоретического в психологическом познании. На уровне методологическом отсутствие разработок по проблеме факта не позволяет создать целостное современное представление о структуре психологического исследования, поскольку именно факт как сложное явление выступает тем ядром, которое обеспечивает единство структуры психологического исследования.

Решение проблемы психологического факта, выявление его структуры, понимание детерминации позволит принципиально решить ряд важнейших вопросов: а) повысить соотносимость психологических фактов; б) понять, почему одни и те же факты существенно по-разному тракту-

ются и оцениваются различными исследователями; в) способствовать улучшению взаимопонимания между исследователями, в том числе и представителями различных школ; г) способствовать разработке моделей современного исследовательского процесса в области психологии; д) внести значимый вклад в проблему интеграции психологического знания; е) внести ясность в понимание многочисленных эпизодов из истории психологии, когда одни и те же факты получали совершенно различные описание и интерпретацию со стороны разных исследователей.

Выше мы останавливались на анализе того, почему проблеме факта «не повезло» в психологии, особенно в отечественной. Впрочем, это никак не означает, что проблема не исследовалась совершенно.

Во избежание недоразумений подчеркнем, что не должно создаться впечатление, что психологический факт не исследовался в психологии. Многими авторами, особенно рассматривавшими процесс познания и научного исследования, затрагивались вопросы факта, но он не был предметом специального изучения в психологии. Среди исследователей назовем Г. И. Челпанова, Н. Н. Ланге, М. Я. Басова, Л. С. Выготского, В. Н. Ивановского, С. Л. Рубинштейна, К. Н. Корнилова, А. Н. Леонтьева, Б. Г. Ананьева, Б. Ф. Ломова, О. К. Тихомирова, Д. Н. Узнадзе, А. А. Леонтьева, Б. М. Теплова, Е. В. Шороховой, К. К. Платонова, М. С. Роговина и др.

Важные аспекты проблемы факта в психологии раскрываются в работах А. В. Юревича, интересны методологические исследования В. М. Аллахвердова, Т. В. Корниловой и С. Д. Смирнова, методологические работы Ф. Е. Василюка, И. Н. Карицкого и др. В работах К. А. Абульхановой, А. Ю. Агафонова, В. Г. Асеева, А. Г. Асмолова, В. А. Барабанщикова, Ф. Е. Василюка, И. П. Волкова, И. Е. Гарбера, А. Н. Гусева, М. С. Гусельцевой, А. Л. Журавлева, Ю. М. Забродина, В. П. Зинченко, Ю. П. Зинченко, В. В. Знакова, И. И. Ивановой, И. Н. Карицкого, А. В. Карпова, В. А. Кольцовой, Т. В. Корниловой, Д. А. Леонтьева, Л. Я. Дорфмана, С. В. Маланова, Б. Г. Мещерякова, И. А. Мироненко, П. Я. Мясоеда, В. И. Панова, В. Ф. Петренко, В. А. Петровского, Е. Е. Соколовой, С. Д. Смирнова, Е. Б. Старовойтенко, В. А. Татенко, Д. В. Ушакова, Н. И. Чуприковой, В. Д. Шадрикова, А. В. Юревича и др. нашли решение многие важные методологические проблемы психологии, в частности, связан-

ные с проблемой факта в психологической науке. Важные вопросы методологии психологии, имеющие отношение к проблеме факта, обсуждаются в работах И. В. Вачкова, А. О. Прохорова, Е. В. Левченко, А. А. Пископеля, В. А. Янчука, А. Г. Лидерса и др.

Подчеркнем, что в современной психологии отсутствуют специальные исследования, посвященные факту. Этот момент достоин акцентирования, поскольку оказывается, что структура психологического факта, отражающая специфику психологического исследования, до настоящих пор, по сути, не раскрыта и не изучена.

Это касается и зарубежных психологических исследований. Проблема факта, естественно, затрагивается в работах, посвященных методологии психологического исследования (Ж. Пиаже, Ф. МакГиган, Р. Кирк, Р. Готтсданкер, Р. Плутчек, Д. Шассан, А. Каздин, Д. Гудвин и др.), посвященных проблемам объяснения (Fodor, 1968; Swart, 1985; Cammins, 1983; Brown, 1963 и мн. др.), и философии психологии (М. Bunge, R. Argila, 1987, J. Bermudez, 2008 и др.). Подчеркнем, что в доступной нам литературе обнаружить специальные исследования, посвященные анализу строения психологического факта, нам не удалось.

Психологическая специфика, естественно, не раскрывается и в философских исследованиях проблемы факта. Специальные философские работы, посвященные анализу факта, существуют и представляют для психологии значительный интерес (в первую очередь, в плане установления общей архитектоники факта). Речь идет о работах таких исследователей, как В. А. Штофф, Л. С. Мерзон, В. С. Швырев, В. М. Капустян, С. Ф. Мартынович, В. С. Степин, Г. Ф. Хрустов, Э. М. Чудинов, А. И. Ракитов, А. Л. Никифоров, С. В. Илларионов и др.

Конечно, нельзя не назвать работы зарубежных представителей философии науки Л. Витгенштейна, Б. Рассела, Р. Карнапа, Л. Флека, Т. Куна, П. Фейерабенда, Н. Р. Хэнсона, Б. Латюра, Э. Пикеринга и др.

И все-таки не бывает правил без исключений. Выше нам уже приходилось писать о том, что психологам не свойственно заниматься разработкой проблем методологии факта. Среди существующих психологических исследований хотелось бы выделить методологическое исследование И. И. Ивановой и В. Г. Асеева [2]. Работа была посвящена методологии и методам психологического исследования, поэтому авторы про-

сто не могли пройти мимо проблемы факта, на получение которого нацелено эмпирическое психологическое исследование. Остановимся несколько подробнее на этом исследовании.

Исследователи справедливо отмечают: «Прежде всего встает важный методологический вопрос об определении и внутреннего содержания и структуры психологического факта, как основной единицы первичного эмпирического и научного материала, о его месте и роли в психологическом исследовании» [2, с. 220]. Иванова и Асеев обращают внимание на важную деталь, осложняющую разработку проблемы: «С одной стороны, под эмпирическим фактом имеется в виду отдельное явление действительности, получившее адекватное отражение в познании. В этом наиболее широком смысле факт служит элементарно необходимым компонентом, основой научного исследования. Вместе с тем и именно поэтому факт в этом смысле является лишь сырым материалом, который еще должен быть подвергнут дальнейшей обработке: анализу, изучению, интерпретации, поскольку наука не призвана регистрировать единичные, уникальные явления, а изучает устойчивые, повторяющиеся, предвидимые связи и закономерности. С другой стороны, под фактом подразумевают всякую достоверно установленную связь, зависимость, закономерность. В этом втором смысле он выступает уже как полноценный продукт научного исследования, достигнутый результат, осуществленная, хотя и частная цель науки» [2, с. 220].

Авторы совершенно справедливо обращают внимание на то, что двойственное понимание факта оказывается иногда источником серьезных недоразумений, путаницы. Поэтому необходимо различать факт эмпирический и факт научный: «Роль эмпирического факта как исходного материала нередко смешивается с ролью и значением факта научного, с результатом исследовательского процесса. Безусловная ценность и огромное значение результата научного исследования неправомерно переносятся на эмпирический факт, который ставится в один ряд с научным, переоценивается, абсолютизируется» [2, с. 220]. Авторы видят основное различие в следующем: если научный факт обыкновенно дает знание о наличии устойчивой детерминационной связи, дает возможность в определенных пределах предвидеть реальные явления, открывать закономерности их возникновения и развития, то в эмпирическом факте реально действующие зако-

номерности проявляются далеко не однозначно: «Ввиду высокого уровня интеграции психических процессов отдельный эмпирический факт получает свое действительное место, свой психологический смысл и значение только в зависимости от уровня и характера интеграции психических явлений. Один и тот же поступок может быть совершен как под влиянием импульсивного мотива, так и в результате сознательного решения. Эмпирический факт в связи с этим не имеет однозначного смысла, значения, механизма и оказывается психологически многозначным» [2, с. 220]. Характеризуя эмпирический факт, авторы отмечают: «Он представляет собой внешнее воплощение целого ряда закономерностей самых разных уровней регуляции психики, от сознания до автоматических, неосознаваемых процессов. В эмпирическом психологическом факте заключены не элементарно простые, естественно выделенные, изолированные, “чистые” факторы, связи, зависимости. В нем фиксируется сплав огромного качественного богатства психологических механизмов, стоящих за внешним проявлением. Психологический факт исключительно сложен по своим внутренним механизмам, по своему психологическому смыслу, по своей детерминации. Многозначность, многоплановость эмпирического факта в психологии (действия, поступка и т. д., зарегистрированных в наблюдении, тесте, самонаблюдении) связана не только со сложностью строения психики как системы вообще» [2, с. 221].

Другой концепцией, где подробно анализируется проблема факта в психологии, причем именно в методологическом контексте, является известная работа А. В. Юревича [20]. Как справедливо отмечает А. В. Юревич, «одной из особенностей современного состояния психологической науки в России служит сочетание, с одной стороны, высокой востребованности психологического знания и самих его носителей – психологов, с другой – ослабление попыток внести порядок в это знание и явное пренебрежение к методологическим вопросам» [20, с. 15]. В исследовании Юревича решается фундаментальная задача выявления строения психологического знания, в котором определенное место занимают и собственно факты.

К числу структурных элементов психологического знания А. В. Юревич относит

- базовые «идеологии» и сопряженные с ними системы методологических принципов;
- категории;

- теории;
- законы;
- обобщения;
- объяснения и интерпретации;
- прогнозы и предсказания;
- факты и феномены;
- знание контекста (установления фактов и проявления феноменов);
- эмпирически выявленные корреляции между феноменами;
- описания;
- методики;
- технологии.

Знания, ассимилированные психологией из смежных наук [20, с. 16–17].

А. В. Юревич характеризует роль фактов в структуре психологического знания: «Психологические факты и феномены обычно рассматриваются как одна из главных «единиц» эмпирического знания психологии. От других видов эмпирического опыта они отличаются относительно устойчивым характером: к фактам и феноменам обычно относят явления, которые обладают достаточной воспроизводимостью и проявляются более или менее постоянно – по крайней мере, при определенных обстоятельствах. Кроме того, к ним принято причислять не любые относительно стабильные психологические явления, а явления, достаточно существенные для психологической науки, выражающие какие-либо психологические закономерности» [20, с. 26–27]. «Важное свойство психологических фактов и феноменов состоит в том, что они, хотя и имеют аналоги в обыденном опыте, как правило, бывают зафиксированы в специально организованных условиях психологического исследования» [20, с. 27]. Справедливо замечание, согласно которому «психологические факты и феномены как вид психологического знания органически дополняются такой его разновидностью, как знание контекста установления этих фактов и феноменов, а также условий их проявления» [20, с. 28]. А. В. Юревич отмечает, что в постмодернистской методологии научного познания прочно утвердились представления о том, что факты всегда «теоретически нагружены», и обретают смысл только в рамках определенной интерпретативной структуры, которая задается теориями, парадигмами, исследовательскими программами, исследовательскими традициями и т. п. Согласно Юревичу, «ощущение эфемерности фактов наиболее характерно для социогуманитарных наук, таких как психология, где оно оказалось

обостренным постмодернистской методологией» [20, с. 88].

Чрезвычайно ценно, что А. В. Юревич выделяет типологию психологов в зависимости от отношения к фактам: «По критерию отношения к фактам представителей психологического сообщества можно разделить на три категории. Для одних, и таких подавляющее большинство, гносеологический статус фактов попросту безразличен. Они делают то, что привыкли делать, невзирая на бурные события в философской методологии науки, в частности на распространение постмодернистской методологии. Другие охотно подхватили постмодернистские представления, не без удовольствия, явившегося естественной реакцией на долгие годы господства позитивизма и упрощенных представлений о науке, акцентируя релятивность фактов, их зависимость от теорий и т. п. Третьи, напротив, агрессивно отреагировали на распространение подобных настроений и проявили озабоченность, сопоставимую с той, которая была вызвана формулой “материя исчезает”, стремятся восстановить незыблемость фактов и в качестве таковых, и как конечного критерия истины» [20, с. 88]. «Первая позиция, очевидно, в комментариях не нуждается. Что же касается двух других, то при всех их полярных различиях их объединяет недифференцированное отношение к фактам как однотипному и гомогенному виду опыта. Как пишет А. Л. Никифоров, «большинство современных эпистемологов неявно исходит из “одномерного” понимания фактов, то есть истолковывает факт как нечто простое, как реальное положение дел, чувственный образ, предложение. При такой трактовке факт всегда принадлежит некоторой одной плоскости – языковой, перцептивной или физической»... Однако факты неоднородны, в том многообразии эмпирического опыта, который ученые вообще и психологи, в частности, привыкли именовать фактами, можно выделить существенно различающиеся между собой составляющие [20, с. 88]. Важно, что в работе А. В. Юревича предложен способ упорядочения фактов: «разнообразию можно упорядочить, выстроив факты, устанавливаемые психологической наукой в рамках системы как минимум пяти шкал, выражающих степень: 1) “жесткости” фактов; 2) их воспроизводимости; 3) контекстуальной зависимости; 4) теоретической нагруженности; 5) социализации» [20, с. 89]. Представляется, что это очень перспективная идея.

Возникает вопрос, что препятствует новому

пониманию факта? Основное препятствие, на наш взгляд, состоит в том, что психологический факт рассматривается сам по себе, тогда как он должен рассматриваться, трактоваться и интерпретироваться в контексте методологии психологии, то есть в рамках методологической концепции психологического исследования. Будучи включенным в методологическо-психологический контекст, факт проявит реальную сложность своего строения и позволит обратиться к выявлению его детерминации.

В наших работах конца 90-х гг. прошлого века было показано, что методология имеет конкретно-исторический характер и в идеале должна отвечать на вопросы и реагировать на проблемы, которые возникают внутри предметного поля науки. Иногда методологические изыскания опережают потребности науки, иногда запаздывают. В настоящее время на первый план выступает разработка общей методологии психологии. Подчеркнем, что это не попытка создать общую теорию. Мы разделяем мнение Юнга, согласно которому время общих теорий в психологии еще не пришло [7].

Дело в том, что резерв, который состоял в разработке отдельных изолированных методологических проблем (хотя и, несомненно, важнейших для психологии), к настоящему моменту практически исчерпан. В настоящий момент актуальна разработка проблем в комплексе, что ставит задачу разработки общей методологии психологии, в которой отдельные методологические категории оказались бы соотносенными в едином смысловом пространстве. Именно в их концептуальном соотношении видится новый резерв методологических исследований и разработок [8].

Представляется, что когнитивная методология, отвечающая задачам сегодняшнего дня, должна иметь уровневое строение. Это уровневое строение должно отражать не только разнородность самого психологического содержания, но и принципиально различающиеся способы и методы работы на разных уровнях [6].

В когнитивной методологии можно выделить по крайней мере три уровня. Подчеркнем, что разные уровни не только связаны с различным содержанием, но и характеризуются различными средствами их разработки. Отметим, что философский уровень в настоящее время проработан в меньшей степени, чем два других¹.

Психологическое исследование, спланированное нами, основывается на концепции когнитивной методологии психологии. Она представ-

ляет собой второй уровень общей методологии психологии. Когнитивная методология психологии – непротиворечивая концепция, трактующая проблемы предмета, метода, объяснения, теории, факта и т. д. в их взаимосвязи. Вне учета подобной взаимосвязи, на наш взгляд, не может быть достигнуто существенное дальнейшее продвижение в разработке этих (и многих других) важнейших методологических вопросов современной психологии. Такую методологию можно назвать интегративной когнитивной методологией психологической науки.

Обратимся к когнитивной методологии.

Сформулируем суть нашего подхода к разработке когнитивной методологии. К исследованию любого феномена в области психологии существуют различные подходы. Традиционно они рассматриваются как несопоставимые, поэтому в лучшем случае речь идет о сосуществовании подходов. Мы полагаем, что при использовании специального методологического аппарата могут быть найдены дополнительные «точки соприкосновения» и «несопоставимые» концепции окажутся сопоставимыми в значительно большей степени, чем это обычно представляется [5, 7, 8].

Задача, на наш взгляд, выполнима, если в качестве основы для сопоставления выступит общая схема психологического исследования. Схема включает следующие структурные компоненты: проблема, предмет психологии, опредмеченная проблема, предтеория, метод (включающий три уровня: идеологический, предметный и процедурный), эмпирический материал, объяснение (включающее объяснительную категорию, собственно объяснение, предполагающее уровневую структуру), теория как результат исследования. Подчеркнем, что данная схема исследования является «замкнутой», то есть теория является основанием для постановки новой проблемы. Таким образом, инструментом сопоставления и соотношения различных психологических концепций выступает общая когнитивная методология. Мы разделяем следующую позицию: 1) разработка общей методологии возможна, так как может быть разработана универсальная модель, позволяющая свести, интегрировать в «общем исследовательском пространстве» важнейшие методологические категории; 2) использование подобного рода интегративной модели позволяет учесть наработки ведущих отечественных и зарубежных методологов, что позволяет сделать разработанная нами ранее соотносительная модель (коммуникативная методология) [10–12, 15].

Общая методология психологии – непротиворечивая концепция, трактующая проблемы предмета, метода, объяснения, теории, факта и т. д. в их взаимосвязи. Вне учета подобной взаимосвязи, на наш взгляд, не может быть достигнуто существенное дальнейшее продвижение в разработке этих (и многих других) важнейших методологических вопросов современной психологии. Такую методологию можно назвать интегративной когнитивной методологией психологической науки [13, 14].

Обратимся к проблеме психологического факта в контексте концепции общей (интегративной) методологии психологии.

Психологический факт. Казалось бы, здесь все просто: в исследовании добываются эмпирические данные, которые подлежат интерпретации. Обратимся к философии науки, которая, в отличие от методологии психологии, уделяет этим вопросам достойное внимание. Как предупреждал еще Кант, «разум видит только то, что сам создает по собственному плану» [3, с. 85]. Поэтому полученные эмпирические данные рассматриваются исследователем обычно «сквозь призму» предтеории (см. ниже). Фактически они уже «прединтерпретированы», хотя это обычно и не осознается самим ученым. Этот момент необходимо специально подчеркнуть.

Не имея возможности дать общую характеристику концепции (по причине ограниченности объема настоящей публикации), остановимся чуть подробнее на разработке методологической концепции факта (в первую очередь по той причине, что в современной психологии этой методологической проблеме практически не уделяется внимания). Если психологическая наука пренебрегает данной проблемой (можно предположить, что происходит это в силу кажущейся простоты данного вопроса), то философия науки обоснованно считает данную проблему одной из важнейших.

«Факт – от лат. *factum* – сделанное, совершившееся) – 1) синоним понятий истина, событие, результат; нечто реальное в противоположность вымышленному; конкретное, единичное в отличие от абстрактного и общего; 2) в философии науки – особого рода предложения, фиксирующие эмпирическое знание. Как форма эмпирического знания факт противопоставляется теории или гипотезе» [15, с. 157]. Нас, понятно, будет интересовать факт во втором значении.

В понимании природы факта в современной философии науки выделяются две основные тен-

денции: фактуализм и теоретизм. Эти тенденции выступают одной из форм проявления старой дилеммы *эмпиризм – рационализм*. Если первая подчеркивает независимость и автономность фактов по отношению к различным теориям, то вторая утверждает, что факты полностью зависят от теории и при смене теорий происходит изменение всего фактуального базиса науки [15, с. 157–158]. А. Л. Никифоров справедливо отмечает: «В настоящее время все шире распространяется убеждение в том, что неверно как абсолютное противопоставление фактов теории, так и полное их растворение в теории. Факт является результатом активного взаимодействия субъекта познания с объектом и обладает сложной структурой, одни элементы которой детерминируются теорией и, следовательно, зависят от нее, а другие – особенностями познаваемого объекта. Зависимость фактов от теории выражается в том, что теория формирует концептуальную основу фактов: выделяет изучаемый аспект реальности, задает язык, на котором описываются факты, детерминирует средства и методы экспериментального исследования. В то же время полученные в результате эксперимента или наблюдения данные определяются свойствами изучаемых объектов. Они заполняют содержанием концептуальную схему. Таким образом, научный факт, обладая теоретической нагруженностью, в то же время сохраняет автономность по отношению к теории, ибо его содержание не зависит от теории. Именно благодаря этой относительной независимости факты способны противоречить теории и стимулировать развитие научного познания» [15, с. 158]. В другой работе А. Л. Никифоров развивает новое представление о научном факте как о некотором сложном целом, состоящем из нескольких элементов, связанных определенными отношениями: можно констатировать, что научный факт включает три компонента: лингвистический, перцептивный и материально-практический, каждый из которых в равной мере необходим для существования факта» [16, с. 75–76]. «Три компонента факта теснейшим образом связаны между собой, и их разделение приводит к разрушению факта» [16, с. 76]. А. Л. Никифоров дает достаточно подробную характеристику компонентам факта. «Всякий факт, прежде всего, связан с некоторым предложением... Будем называть это предложение лингвистическим компонентом факта. Лингвистический компонент, очевидно, необходим, так как без него мы вообще не могли бы гово-

речь о чем-то как о факте» [16, с. 73]. «Вторым компонентом научного факта является перцептивный компонент. Под этим я подразумеваю определенный чувственный образ или совокупность чувственных образов, включенных в процесс установления факта. Перцептивный компонент также необходим. Это обусловлено тем обстоятельством, что всякий естественно-научный факт устанавливается путем обращения к реальным вещам и практическим действиям с этими вещами. Контакт же с внешним миром осуществляется только через посредство органов чувств. Поэтому установление всякого научного факта неизбежно связано с чувственным восприятием и перцептивная сторона в той или иной мере необходимо присутствует в каждом факте [16, с. 73]. «Не столь очевидно наличие в факте третьего, не менее важного компонента – материально-практического. Под “материально-практическим компонентом” факта мы имеем в виду совокупность приборов и инструментов, а также совокупность практических действий с этими приборами, навыки, умения, используемые при установлении факта» [16, с. 74].

Представляется важным выделение и описание структуры научного факта, проделанное в работах А. Л. Никифорова. Для психологии, возможно, более важным является то, что факт (по крайней мере, факт психологический, но, представляется, что данная характеристика достаточно универсальна) имеет не только «горизонтальное», но и «вертикальное» строение. Иными словами, психологический факт имеет и уровневое строение.

Не имея возможности дать в рамках настоящего текста развернутого анализа, напомним только характеристику предтеории, так как она чрезвычайно важна для понимания психологической структуры факта. Предтеория представляет собой комплекс исходных представлений ученого, являющихся основой для проведения эмпирического (и даже теоретического) психологического исследования. Предтеория, таким образом, предшествует не только теории как результату исследования, но и самому эмпирическому исследованию. Предтеория имеет сложную детерминацию (образование исследователя, научные традиции, идеалы научности и т. п.). Может быть описана структура предтеории: проблема, «определенная» проблема, базовая категория, моделирующее представление, идея метода, объясняющая категория, способ (вид) объяснения [6].

Вернемся к проблеме факта. В структуре

факта могут быть выделены следующие уровни: идеологический, предметный, процедурный. Идеологический уровень связан с трактовкой предмета психологии, предметный и процедурный, соответственно, с базовой категорией и моделирующими представлениями. Не имея возможности здесь останавливаться на анализе уровней научного факта, сделаем лишь одно замечание, важное для истории психологии. Скажем, возьмем классическое исследование М. Вертгеймером «фи»-феномена. Иногда замечают, что стробоскопический эффект был известен до этого, факт не был новым. Это правильно, но лишь по отношению к процедурному уровню. Ценность этого научного факта – в идеологическом и предметном уровнях. На предметном уровне была доказана целостность гештальта («видимого движения»), на идеологическом Вертгеймер показал наличие феноменального поля. Поэтому уровневая трактовка факта, на наш взгляд, открывает новые перспективы в намеченном направлении.

Интеграция структурного и уровневого подходов к анализу факта возможна, но представляет собой самостоятельную исследовательскую задачу (этого аспекта в настоящем тексте мы касаться не будем). Отметим, что такая трактовка факта позволяет по-новому решить ряд традиционных психологических проблем и объяснить известные факты: почему разными учеными одни и те же факты воспринимались и оценивались принципиально по-разному. С нашей позиции ответ очевиден: в этих случаях факты воспринимались так потому, что оказались по-разному теоретически нагруженными, так как оценивались с позиции разных предтеорий. Итак, предварительный анализ проблемы факта свидетельствует, что психологический конструкт «факт» нуждается в специальной методологической проработке.

Как нам представляется, этот момент является ключевым для организации дальнейшего исследования. Поскольку для понимания факта столь важна соответствующая предтеория, важно понять, каким образом происходит эта интерпретация. Таким образом, неизбежно актуальным становится исследование более общей структуры, в которую включены разного рода предтеории, имеющиеся в наличии у того или иного субъекта. В этом случае логично говорить о профессиональном сознании, в котором должны быть представлены такого рода структуры. Вероятно, не стоит специально говорить о том, что названные

нами структуры исследованы чрезвычайно слабо. Можно сказать, что они вообще не исследованы. Здесь мы сталкиваемся с одной из острейших проблем психологии. Действительно, психологами исследовано много различных видов профессиональной деятельности, в частности, выявлена информационная основа многих видов деятельности. И, вероятно, никто не станет утверждать, что то же самое можно сказать о деятельности самого психолога. Похоже, очередной случай, когда сапожник оказывается без сапог. Конечно, нельзя сбрасывать со счетов и то, что изучение профессионального сознания связано с большими проблемами. Не будем в данном тексте их обсуждать. Как представляется, более конструктивно рассматривать обсуждаемые вопросы в другом контексте. Речь идет о понятии внутреннего мира человека. Применительно к нашей проблематике можно говорить о внутреннем мире психолога. Таким образом, ставится задача исследования внутреннего мира психолога-профессионала. Осознавая сложность предстоящей задачи, тем не менее, приступаем к эмпирическим исследованиям структуры этого мира.

Библиографический список

1. Еникеев, Б. Н. Факт [Текст] / Б. Н. Еникеев // Большой психологический словарь / под ред В. П. Зинченко и Б. Г. Мещерякова. – СПб., 2008.
2. Иванова, И. И. Методология и методы психологического исследования [Текст] / И. И. Иванова, В. Г. Асеев // Методологические и теоретические проблемы психологии. – М. : Наука, 1969. – С. 218–245.
3. Кант, И. Сочинения в шести томах [Текст] / И. Кант. – Т. 3. – М. : Мысль, 1964. – 799 с.
4. Ломов, Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии [Текст] / Б. Ф. Ломов. – М. : Наука, 1984. – 444 с.
5. Мазиллов, В. А. Научная психология: проблема метода [Текст] / В. А. Мазиллов // Труды Ярославского методологического семинара. – Том 2: Метод психологии / под ред. В. В. Новикова (гл. ред.), И. Н. Карицкого, В. В. Козлова, В. А. Мазилова. – Ярославль : МАПН, 2005. – С. 248–279.
6. Мазиллов, В. А. Теория и метод в психологии [Текст] / В. А. Мазиллов. – Ярославль : МАПН, 1998. – 356 с.
7. Мазиллов, В. А. Перспективы парадигмального синтеза в современной психологии [Текст] / В. А. Мазиллов // Ярославский педагогический вестник. Научный журнал. – № 3. – Том 2 (психолого-педагогические науки). – 2013а. – С. 186–194.
8. Мазиллов, В. А. Принцип соизмеримости теорий в психологии [Текст] / В. А. Мазиллов // Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова. Серия «Педагогика. Психология.

Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2013. – № 4. – Том 19. – С. 28–32.

9. Мазиллов, В. А. Методология отечественной психологической науки: основные направления исследований и разработок [Текст] / В. А. Мазиллов // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – Т. 2. – № 3. – С. 174–186.
10. Мазиллов, В. А. Методология современной отечественной психологии [Текст] / В. А. Мазиллов // Методология и история психологии. – 2008. – Т. 3. – № 3. – С. 9–24.
11. Мазиллов, В. А. Становление метода психологии: страницы истории (метод интроспекции) [Текст] / В. А. Мазиллов // Методология и история психологии. – 2007. – Т. 2. – № 1. – С. 61–85.
12. Мазиллов, В. А. Методология психологической науки: проблемы и перспективы [Текст] / В. А. Мазиллов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2007. – Т. 4. – № 2. – С. 3–21.
13. Мазиллов, В. А. О предмете психологии [Текст] / В. А. Мазиллов // Методология и история психологии. – 2006. – Т. 1. – № 1. – С. 55–72.
14. Мазиллов, В. А. Научная психология: проблема объяснения [Текст] / В. А. Мазиллов // Методология и история психологии. – 2008. – Т. 3. – № 1. – С. 58–73.
15. Никифоров, А. Л. Факт [Текст] / А. Л. Никифоров // Новая философская энциклопедия. – Т. 4. – М., 2010. – С. 157–158.
16. Никифоров, А. Л. Философия и история науки [Текст] / А. Л. Никифоров. – М. : Идея-Пресс, 2008. – 264 с.
17. Петренко, В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма [Текст] / В. Ф. Петренко. – М. : Новый хронограф, 2010. – 440 с.
18. Роговин, М. С. Теоретические основы психологического и патопсихологического исследования [Текст] / М. С. Роговин, Г. В. Залевский. – Томск, 1988. – 236 с.
19. Шульц, Д. История современной психологии [Текст] / Д. Шульц, С. Шульц. – СПб. : Евразия, 2002. – 532 с.
20. Юревич, А. В. Методология и социология психологии [Текст] / А. В. Юревич. – М. : ИПРАН, 2010. – 286 с.

Bibliograficheskij spisok

1. Enikeev, B. N. Fakt [Tekst] / B. N. Enikeev // Bol'shoy psihologicheskij slovar' / pod red V. P. Zinchenko i B. G. Meshherjakova. – SPb., 2008.
2. Ivanova, I. I. Metodologija i metody psihologicheskogo issledovanija [Tekst] / I. I. Ivanova, V. G. Aseev // Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii. – M. : Nauka, 1969. – S. 218–245.
3. Kant, I. Sochinenija v shesti tomah [Tekst] / I. Kant. – T. 3. – M. : Mysl', 1964. – 799 s.
4. Lomov, B. F. Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii [Tekst] / B. F. Lomov. – M. : Nauka, 1984. – 444 s.
5. Mazilov, V. A. Nauchnaja psihologija: problema

- metoda [Tekst] / V. A. Mazilov // Trudy Jaroslavskego metodologičeskogo seminar. – Tom 2: Metod psihologii / pod red. V. V. Novikova (gl. red.), I. N. Karickogo, V. V. Kozlova, V. A. Mazilova. – Jaroslavl' : MAPN, 2005. – S. 248–279.
6. Mazilov, V. A. Teorija i metod v psihologii [Tekst] / V. A. Mazilov. – Jaroslavl' : MAPN, 1998. – 356 s.
7. Mazilov, V. A. Perspektivy paradigmat'nogo sinteza v sovremennoj psihologii [Tekst] / V. A. Mazilov // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. Nauchnyj zhurnal. – № 3. – Tom 2 (psihologo-pedagogičeskie nauki). – 2013a. – S. 186–194.
8. Mazilov, V. A. Princip soizmerimosti teorij v psihologii [Tekst] / V. A. Mazilov // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova. Serija «Pedagogika. Psihologija. Social'naja rabota. Juvenologija. Sociokinetika. – 2013. – № 4. – Tom 19. – S. 28–32.
9. Mazilov, V. A. Metodologija otechestvennoj psihologičeskoj nauki: osnovnye napravlenija issledovanij i razrabotok [Tekst] / V. A. Mazilov // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. – 2010. – T. 2. – № 3. – S. 174–186.
10. Mazilov, V. A. Metodologija sovremennoj otechestvennoj psihologii [Tekst] / V. A. Mazilov // Metodologija i istorija psihologii. – 2008. – T. 3. – № 3. – S. 9–24.
11. Mazilov, V. A. Stanovlenie metoda psihologii: stranicy istorii (metod introspekcii) [Tekst] / V. A. Mazilov // Metodologija i istorija psihologii. – 2007. – T. 2. – № 1. – S. 61–85.
12. Mazilov, V. A. Metodologija psihologičeskoj nauki: problemy i perspektivy [Tekst] / V. A. Mazilov // Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. – 2007. – T. 4. – № 2. – S. 3–21.
13. Mazilov, V. A. O predmete psihologii [Tekst] / V. A. Mazilov // Metodologija i istorija psihologii. – 2006. – T. 1. – № 1. – S. 55–72.
14. Mazilov, V. A. Nauchnaja psihologija: problema ob#jasnenija [Tekst] / V. A. Mazilov // Metodologija i istorija psihologii. – 2008. – T. 3. – № 1. – S. 58–73.
15. Nikiforov, A. L. Fakt [Tekst] / A. L. Nikiforov // Novaja filosofskaja jenciklopedija. – T. 4. – M., 2010. – S. 157–158.
16. Nikiforov, A. L. Filosofija i istorija nauki [Tekst] / A. L. Nikiforov. – M. : Ideja-Press, 2008. – 264 s.
17. Petrenko, V. F. Mnogomernoe soznanie: psihosemantičeskaja paradigma [Tekst] / V. F. Petrenko. – M. : Novyj hronograf, 2010. – 440 s.
18. Rogovin, M. S. Teoretičeskie osnovy psihologičeskogo i patopsihologičeskogo issledovanija [Tekst] / M. S. Rogovin, G. V. Zalevskij. – Tomsk, 1988. – 236 s.
19. Shul'c, D. Istorija sovremennoj psihologii [Tekst] / D. Shul'c, S. Shul'c. – SPb. : Evrazija, 2002. – 532 s.
20. Jurevich, A. V. Metodologija i sociologija psihologii [Tekst] / A. V. Jurevich. – M. : IPRAN, 2010. – 286 s.

¹ Чтобы избежать недоразумений, скажем, что в данной статье речь идет только о когнитивной методологии. Других разделов методологии психологии – коммуникативной, методологии психологической практики, социальной методологии (А. В. Юревич) – мы в настоящей статье не касаемся.